

Научная статья

DOI: 10.15593/2224-9354/2023.3.9

УДК 316.444.5-053.81

А.В. Рыбьякова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ РЕШЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Информационное пространство, освоенное молодежью, способствует растущему распространению мобильности, открывающей возможности поиска вариантов достижения жизненного успеха в более крупном городе и даже в другой стране.

В основе мобильности индивидов могут лежать различного рода причины, обуславливающие ее разновидности: образовательная мобильность связана с повышением уровня образования, квалификации. Географическая мобильность сводится к переезду в другой город или страну. Трудовая мобильность подразумевает изменение формы или характера занятости. Экономическая мобильность обусловлена изменением социально-экономического статуса. В современных условиях все более актуальной становится проблема профессиональной мобильности – перемещения индивида или группы в социально-профессиональной структуре общества. Все чаще профессиональная мобильность рассматривается в тандеме с географической мобильностью (миграцией), становясь стратегией решения жизненных задач, обеспечивающей достижение более высокого уровня жизни. Молодежь чаще отождествляет профессиональную мобильность с возможностью самореализации, поиском лучших вариантов трудоустройства. Для старшего поколения смена профессии чаще воспринимается как вынужденная мера, связанная с негативными моментами в трудовой карьере: отсутствием перспектив для карьерного роста, эмоциональным выгоранием.

Для выпускников, в начале их трудового пути, наиболее значимым фактором профессиональной мобильности становится низкий уровень материального благосостояния. Для многих из них материальное благополучие и успех в трудовой деятельности составляют ядро представлений о желаемом будущем. Поэтому уже сегодня мы столкнулись с проблемой несоответствия идеальных представлений о профессиональной карьере и реальных путей достижения желаемого уровня материального благополучия, разделения на образование «для души» и профессию «для жизни», лежащего в основе профессиональной мобильности молодежи.

Ключевые слова: *профессиональная мобильность, образовательная мобильность, экономическая мобильность, географическая мобильность.*

Современный город представляет собой сложную структуру экономических, социальных, политических, культурных отношений. Город не только располагает возможностями выбора профессии, рабочего места, условий труда, но и формирует установку на самореализацию, достижение жизненного успеха на данной территории, особенно если место проживания и дальнейшего трудоустройства воспринимается как «благополучный город» или «благополучный район» [1, с. 106–109].

Пространство современного города предстает в глазах молодежи как информационное пространство, открывая возможности для мобильности молодого

© Рыбьякова А.В., 2023

Рыбьякова Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии и политологии ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: a.nastasi.a@mail.ru.

поколения. Способность к движению, поиску вариантов жизненного самоопределения в более крупном городе (мегаполисе) или в другой стране становятся для современной молодежи вполне доступной стратегией достижения жизненного успеха. Информационная реальность стимулирует мобильность, показывая варианты устройства жизни вне формата собственного города [2, с. 97–99].

В эпоху возрастающей мобильности сложно говорить об «удержании» и «закреплении» молодого поколения в родных городах, по крайней мере неэффективно сводить только лишь к этому направлению деятельности молодежной политики. Молодые люди после получения образования чаще ориентированы на мобильность (переезд) за пределы родного малого города, полагаясь на принцип «больше город – больше возможностей», особенно когда речь идет о возможностях выбора сферы деятельности, условий труда, уровня заработной платы. Именно по этим характеристикам небольшой по численности город уступает крупному [3, с. 13].

При рассмотрении в целом «картины мобильности» нашей страны (на основе данных статистики 2019 г.) отчетливо видим процесс убыли населения: миграционный прирост имеет отрицательное значение и составляет –3,7 тыс. чел. Особенно высок отток среди сельского населения (из 1000 сельских жителей уезжает 21, миграция из города почти в 2 раза меньше: из 1000 чел. – 12) [4, с. 46]. При этом в погоне за «лучшей жизнью» покидают не только маленькие города. Дело даже не в том, откуда уезжают, а в том, куда приезжают, чем руководствуются при выборе нового места проживания. Поэтому рассуждая о привлекательности города для молодого поколения, отметим, что одну из ключевых ролей в формировании престижа территории играет образовательный потенциал города. Наличие университетов или сильных вузовских филиалов становится не только показателем престижности города в глазах молодежи и населения в целом [5, с. 922], но и является необходимым условием для достижения баланса между возрастающими темпами совершенствования технологий и способностью людей адаптироваться к этому процессу. Именно высшее образование выполняет функцию опережающего развития по отношению к обществу [6, с. 9].

При рассмотрении процесса миграции в Пермском крае можно отметить, что численность нашего региона восполняется в основном за счет миграции из стран СНГ (Таджикистана, Армении, Киргизии, Узбекистана и Азербайджана), доля приезжих из этих стран составляет 77,1 % от числа всех прибывших. Эти же направления рассматриваются в качестве приоритетных для миграции коренных жителей [4, с. 47]. Интерес вызывает то, что по статистическим данным около половины мигрантов (45,1 %) приезжают в Россию на постоянное место жительства; 18,1 % в качестве основной причины переезда называют семейные обстоятельства; 17,3 % – работу; каждый седьмой мигрант (14,5 %) меняет свое место проживания по причине неблагоприятной ситуации в стране [7].

Города растут вширь: увеличиваются в масштабах, численности, ресурсах, наращивают инфраструктуру. Естественная социальная мобильность не создает кризиса городов, кризис начинается с массового оттока молодежи и является маркером дисфункций в территориально-производственных агломерациях [8, с. 10].

В основе повышенной мобильности молодого поколения могут лежать такие мотивы, как низкий образовательный потенциал территории, недостаточные условия занятости, отсутствие разнообразия рынка труда. Массовый отток молодежи приводит к утрате чувства коллективности, разрыву социальных связей, нарастанию чувства одиночества и отчуждения у мигрирующих. Об этом говорил и американский социолог Р. Коллинз: индивиды, часто меняющие место проживания, руководствуясь стремлением улучшить условия жизни, менее интегрированы в сообщества и характеризуются слабыми общинными связями, так как в основе образования любой группы лежит осознание своей социальной принадлежности, вызывающее сильные эмоции (переживания) группы относительно своей схожести. Отсутствием или низким уровнем развития коллективности можно объяснить менее дружелюбное отношение в мобильных сообществах к своим обитателям, по сравнению с более стабильными обществами [9, с. 429–437].

Современный город задает определенный темп жизни, активно развивая и внедряя новые технологии, формирует у своих жителей «особый дух борьбы» – стремление к улучшению условий жизни и отдыха. У человека возникает потребность реализовать себя, добиться общественного признания, найти свое место в профессиональной, экономической, политической структуре города [2, с. 4–7].

В основе индивидуальной мобильности могут лежать различного рода причины, обуславливающие ее разновидности: образовательная мобильность связана с изменением уровня образования, квалификации. Географическая мобильность сводится к смене места проживания (переезду в другой населенный пункт). Трудовая мобильность подразумевает изменение формы или характера занятости. Экономическая мобильность обусловлена изменением социально-экономического статуса. Профессиональная мобильность связана с изменением социально-профессионального статуса индивида в результате смены профессии, специальности. Как правило, профессиональная мобильность сопровождается другими видами мобильности (образовательной, экономической, географической).

Британский социолог Дж. Урри рассматривает формы мобильности в зависимости от поставленной цели:

- трудовая или профессиональная мобильность – обычно данные формы мобильности принято разделять, однако при рассмотрении целевого значения мы увидим их общую обусловленность выполнением производственных задач, достижением деловых целей;

- туристическая мобильность – в основе которой, согласно Урри, лежит познавательная цель;
- поддержание межличностных контактов – мобильность выступает как средство общения, выполняет аффилиативную цель;
- военная мобильность – направлена на осуществление безопасности, выполнение поставленных задач;
- национальная мобильность – нацеленность на лучшие условия проживания с учетом своей национальной принадлежности, особенностей и культуры;
- медицинская мобильность – в основе лежит стремление повысить уровень здоровья;
- буксирные путешествия – достаточно часто встречаются и связаны с вынужденным сопровождением членов семьи при осуществлении ими собственных целей мобильности [10, с. 74–80].

Разные формы мобильности существуют не по отдельности, а во взаимосвязи друг с другом, вытекая одна из другой. В современных условиях все более актуальной становится проблема профессиональной мобильности – изменения социально-профессионального статуса индивида. При рассмотрении данного процесса с точки зрения экономического подхода, на первый план выходит изучение прежде всего экономических мотивов (один из которых – это желание улучшить уровень и качество жизни). Социологические исследования профессиональной мобильности основное внимание акцентируют на неэкономических мотивах. В зависимости от ситуации можно использовать индивидуалистический или структурный подходы [11, с. 234–235]. Индивидуалистический подход рассматривает профессиональную мобильность в качестве производной от таких факторов, как уровень образования, опыт работы, ценностные ориентации индивида и его социальное окружение, личностный потенциал (способности и профессиональные интересы, ориентация на карьеру). В этом случае решение о смене профессии становится индивидуальной стратегией решения жизненных проблем. Структурный подход обращает внимание на соответствие рынка труда всевозрастающим требованиям информационной среды, в этом случае смена профессии становится показателем гибкости структуры рынка труда. В обоих подходах при изучении профессиональной мобильности внимание сосредотачивается на ключевых факторах, детерминирующих решение сменить профессию, а также институциональных структурах, регламентирующих данный процесс.

Обобщая можно сказать, что социологическая специфика изучения профессиональной мобильности состоит в формировании комплексного подхода, учитывающего как влияние внешних факторов организационной среды (разнообразие рынка труда, процессов устаревания профессий и появления новых направлений, взаимосвязи профессиональной мобильности и миграции), так и влияние личностных характеристик работника (возраста, образования, жиз-

ненного опыта, уровня заработной платы, удовлетворенности предыдущей работой, наличия перспектив для карьерного роста). Смена профессии зачастую является методом социально-экономической адаптации – умения успешно использовать полученный профессиональный опыт для приспособления к изменившимся условиям внешней среды, а значит, является действенной стратегией решения жизненных проблем.

Изучая динамику социально-профессиональной структуры мобильных групп, обратим внимание, что в 1998 г. горизонтальная профессиональная мобильность (независимо от возраста) была характерна для работников с разным уровнем образования и опытом работы (встречалась как среди управленцев более высокого уровня, так и среди рабочих, занятых низкоквалифицированным трудом). Согласно исследованиям 2008 г., ориентация на профессиональную мобильность в большей степени присуща специалистам среднего звена и рабочим различной квалификации, нежели руководителям более высокого уровня. В 2016 г., масштабы профессиональной мобильности возросли среди работников с высшим образованием [11, с. 235]. По данным выборочного исследования Росстата, проведенного в 2019 г., всего треть молодых специалистов, получивших диплом в 2016–2018 гг., не работают по своей профессии. Среди выпускников колледжа таковых практически половина – 43 % [12]. Можно предположить, что более осознанно подходят к выбору профессии выпускники, имеющие высокий уровень образования, но даже среди них каждый третий осуществил профессиональную мобильность и работает по другой специальности.

Особый интерес вызывает рассмотрение динамики направлений профессиональной мобильности. Так, в 2005 г. наиболее высокая профессиональная мобильность наблюдалась в таких отраслях, как торговля, бытовое обслуживание, строительство, транспорт, связь, легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство. В 2016 г. к уже перечисленным добавились сферы образования и ЖКХ, нефтегазовая промышленность и гражданское машиностроение, деревообрабатывающая и энергетическая промышленность, юриспруденция, информационные технологии [11, с. 235–236]. В 2019 г., согласно данным Росстата, чаще всего профессиональной мобильности были подвержены выпускники с дипломом по специальности «Сельское, лесное и рыбное хозяйство». Об этом заявили 61 % молодых специалистов. Чуть больше половины выпускников (53 %), получивших профессию социолога и социального работника, также были вынуждены при трудоустройстве сменить свою специальность. Столкнулся с необходимостью смены профессии (пополнив ряды профессионально-мобильных специалистов) и практически каждый второй выпускник (47 %), окончивший университет по направлению «Промышленная экология и биотехнологии» [12].

В настоящее время, поступая на обучение в вуз, студенты не имеют гарантий занятости по выбранной специальности, дальнейшее трудоустройство

во многом обусловлено их личными усилиями и стремлением реализовать себя в получаемой профессии. Так, в нашем регионе, согласно данным Пермстата, направление на работу после окончания вуза получили лишь 28,5 % выпускников очного отделения, 27 % ориентированы продолжить обучение (преимущественно выпускники бакалавриата), 40,1 % выпускников предоставлено право свободного, самостоятельного трудоустройства [4, с. 40].

В условиях развития промышленности, активного внедрения новых технологий и автоматизации производства у многих выпускников возникает чувство неопределенности при выборе направления трудовой деятельности: меняется характер и содержание труда многих профессий, появляются новые специальности и формы занятости [13, с. 30]. За относительно короткий период времени существенно изменился способ производства: роботизация охватила все ведущие отрасли промышленности [14, с. 20]. Возросли масштабы неформальной и нестандартной занятости [15, с. 322], трансформировались привычные представления о работе по специальности, возможной становится работа «на удалёнке», посредством дистанционных технологий.

Интерес вызывает то, что молодые специалисты, обучившиеся существующим на протяжении длительного времени традиционным, «устоявшимся» профессиям, имеют больше возможностей для дальнейшего трудоустройства (легче находят работу или открывают свой бизнес), что во многом обусловлено существующими на уровне государства мерами поддержки малого и среднего бизнеса. Однако, как правило, это чаще относится к традиционным индустриальным специальностям, а не к новым информационным профессиям [14, с. 21–22].

В условиях бурно развивающихся технологий большую ценность приобретает способность быстро адаптироваться к изменениям внешней среды. Обращая внимание на возрастной срез населения, не стоит забывать, что это умение в условиях нарастающей автоматизации производства в большей степени проявляется у молодого поколения. Многие страны уже сейчас столкнулись с проблемой старения населения, это характерно и для России. По данным 2020 г. четверть населения нашей страны (24,8 %) принадлежит к возрасту старше трудоспособного, в то время как 10 годами ранее данный показатель был достаточно ниже (22,4 %) [16]. Получается, что значительная доля населения находится во второй половине своей карьеры, что означает существенное снижение мотивации к поиску лучших условий жизни, а значит, и ориентации на смену профессии, что с позиции макроэкономики может препятствовать развитию инновационной сферы [17, с. 90–91].

Можно сказать, что современный динамичный социальный мир ориентирует человека на поиски новых форм занятости, поэтому все чаще профессиональная мобильность рассматривается совместно с другими формами мобильности, например миграцией, становясь стратегией решения жизненных задач,

направленной на достижение более высокого уровня жизни. Именно так обычно воспринимается профессиональная мобильность глазами молодежи – как возможность самореализации, стремление к улучшению условий жизни. При этом покупка недвижимости или другого дорогостоящего имущества, изменение уровня и качества жизни (все то, что составляет экономический капитал) выступает формой экономической, но не профессиональной мобильности.

На профессиональную мобильность индивида большое влияние оказывают:

- культурный капитал – уровень образования, квалификация и жизненный опыт;
- социальный капитал – социальные отношения, принадлежность к группе, создание сети;
- личностный потенциал (иногда отождествляют с человеческим капиталом) – способности и социальные качества, необходимые в профессиональной деятельности [18, с. 83–100].

Если решение о смене профессии принимается с учетом этих составляющих, можно рассчитывать на успешность данной стратегии профессиональной мобильности и получение высокого статуса в другой сфере деятельности.

Ярко выраженная ориентация к смене профессии в большей степени присуща индивидам с высокими адаптационными способностями к возможным изменениям в содержании и характере труда, а также имеющим ориентацию на саморазвитие и творческий подход к решению поставленных задач [19, с. 298–299].

Для старшего поколения смена профессии – это трудный шаг, который зачастую связан с нарастанием негативных моментов в трудовой деятельности – осознанием эффекта «стеклянного потолка», отсутствием перспектив для карьерного роста, эмоциональным выгоранием [17, с. 94].

В то же время у современного молодого поколения сформировалось представление, что для достижения успеха в трудовой деятельности необходимо выбрать «правильную» профессию – престижную в глазах населения и в то же время востребованную и непременно высокооплачиваемую [2, с. 214–215]. Эта установка осложняет процесс профессионального самоопределения, когда навязанный СМИ идеальный образ будущей специальности рассматривается как приоритетный без учета собственных способностей и интересов, что приводит к сомнениям в правильности выбора будущей профессии. Так, примерно каждый третий молодой специалист, получающий среднее профессиональное образование, выражает неуверенность в правильности своего выбора. Об этом говорят и более 40 % студентов, получающих высшее образование [11, с. 234].

Для молодого специалиста трудоустройство в соответствии с полученной специальностью является не только залогом уверенности своего положения как специалиста на рынке труда, но и условием завершения начатой в вузе

профессиональной социализации, способствует приобретению необходимого профессионального опыта [20, с. 114]. Важно понимать, что основная часть современных студентов – молодые люди, находящиеся в начале своего профессионального пути, в большинстве своем ориентирующиеся на декларируемые СМИ ценности личного обогащения, относящиеся к работе как инструментальной ценности [21, с. 119]. Для многих из них материальное благополучие и профессиональный успех воспринимаются как наиболее значимые жизненные цели.

Очевидным становится явное рассогласование между идеальными представлениями о профессиональной карьере и реальными путями достижения желаемого уровня материального благополучия [22, с. 174–176]. Так, не всегда диплом о полученном образовании позволяет выпускнику устроиться на желаемую высокооплачиваемую работу, поэтому в представлениях молодежи появляется разделение на образование «для души» и профессию «для жизни» [23, с. 679].

Получаемая профессия в глазах молодежи должна не только удовлетворять потребности в самореализации, быть интересной, но и обеспечивать определенный уровень качества жизни. Более того, только «хорошая» работа может позволить «жить в свое удовольствие», удовлетворять все насущные потребности. Данная ориентация, формировавшаяся в умах молодежи в течение длительного времени за счет влияния западных СМИ, является отражением потребительского отношения к окружающей среде и должна быть переосмыслена в современных условиях. Технологическое развитие России должно идти с учетом социальных, культурных процессов и явлений с опорой на накопленный культурно-исторический опыт и традиционные ценности [24, с. 2].

Сейчас низкий уровень материального благосостояния для молодого специалиста выступает наиболее значимым фактором смены профессии. Многим молодым людям в начале своей трудовой карьеры, без опыта работы по специальности приходится осуществлять профессиональную мобильность, рассматривая ее как вынужденную меру адаптации к взрослой, самостоятельной жизни [20, с. 121–122].

Профессиональная мобильность становится залогом повышения уровня благосостояния лишь в случае имеющейся высокой квалификации и опыта, что практически не относится к молодым специалистам, находящимся в начале трудового пути. Примечательно, что большинство молодежи, работающей не по своей специальности, не стремится получить образование в выбранной сфере труда, воспринимая новую работу как временную меру. Данный тезис подтверждают исследования возрастного среза профессиональной мобильности – наиболее высокий спрос на программы профессиональной переподготовки наблюдается среди представителей среднего возраста (в группе

от 30 до 50 лет), на их долю приходится более половины (54,3 %) в общем числе участников. Значительно реже участвуют в переобучении сотрудники в возрасте от 25 до 30 лет и от 50 до 60 лет (17,8 и 15,9 % соответственно); также редко становятся слушателями программ переподготовки молодые специалисты в возрасте до 25 лет (8,4 %). Интерес вызывает то, что прохождение переобучения в старшем возрасте (после 60 лет) практически не характерно (2,6 %) [11, с. 235–236]. Получается осознанно к процессу профессиональной мобильности (с изменением не только сферы деятельности, но и получением соответствующего новому профилю образования) подходят чаще представители средней возрастной когорты. При этом согласно статистическим данным за 2020 г. из числа слушателей, прошедших обучение по дополнительным профессиональным программам, практически каждый десятый освоил программу профессиональной переподготовки, получил новую специальность [25].

Таким образом, нарастающая информатизация современного общества порождает разные виды мобильности: экономическую, когда речь идет об улучшении материального благополучия, повышении своего социального статуса; образовательную мобильность, позволяющую успешно адаптироваться к быстро изменяющимся технологиям производства, требованиям, предъявляемым к профессиям; географическую мобильность, предоставляющую возможность выбора более привлекательной территории проживания с учетом влияния различных факторов; профессиональную мобильность, возникающую в случае когда полученная специальность не позволяет удовлетворить (в полной мере или частично) имеющиеся потребности и реализовать поставленные перед собой цели: в достижении определенного уровня материального благосостояния, саморазвитии, реализации себя в профессии и др. При более детальном изучении профессиональной мобильности внимание социологов акцентируется на имеющихся институциональных возможностях и ключевых факторах, детерминирующих решение сменить профессию.

Все виды мобильности существуют не обособленно, а в тесной связи друг с другом, являются взаимообусловленными и в определенной ситуации воспринимаются молодежью в качестве возможных стратегий решения проблем на том или ином этапе жизненного пути.

Список литературы

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Аникиева А.В. Пространственная мобильность студенческой молодежи крупного города // *Logos et Praxis*. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 102–111.
2. Социальное пространство современного города / под ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 252 с.

3. Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В., Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 8–32.
4. Статистический ежегодник Пермского края. 2020: стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Пермскому краю (Пермстат). – Пермь, 2020. – 351 с.
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Высшее образование как фактор сохранения городов в Уральском макрорегионе // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 3. – С. 914–926.
6. Стегний В.Н. Ориентации студентов технического вуза на ценность высшего образования в будущем в условиях цифровизации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. – № 1. – С. 8–19.
7. Миграционный статус населения [Электронный ресурс] // Обследование рабочей силы. – 2021. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 11.06.2023).
8. Парамонова С.П. Городская мобильность: моногр. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2021. – 318 с.
9. Коллинз Р. Социологическая интуиция: введение в неочевидную социологию / пер. с англ. В.Ф. Анурина // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический проспект, 2004. – 608 с.
10. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: Практис, 2012. – 576 с.
11. Попова Е.С. Молодежь на рынке труда: смена профессии как адаптация к новой экономике // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. ст. Междунар. форума / под ред. Г.Р. Баймузиной, Р.М. Валиахметова. – Уфа: Мир Печати, 2019. – С. 233–238.
12. Три факта о трудоустройстве выпускников 2016–2018 годов // Обследование рабочей силы 2019 [Электронный ресурс] / URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/88401> (дата обращения: 11.06.2023).
13. Васькина М.Г., Литвинова Д.В. Современные аспекты российского рынка труда через призму поведенческой экономики // Международный журнал экономики и образования. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 26–36.
14. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Бритвина И.Б. Кризис постиндустриальной профессиональной миграции // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 2. – С. 19–23.
15. Стрельченко Е.А. Трансформационное воздействие на рынок труда: тенденции и последствия // Современные стратегии устойчивого развития государства и общества в контексте глобальных вызовов: сб. тр. третьей междунар. науч.-практ. конф. «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» / под ред.

Т.В. Игнатовой, Н.В. Брюхановой; Юж.-Рос. ин-т управления РАНХиГС. – Ростов-н/Д, 2021. – С. 319–325.

16. Население по полу и возрасту // Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (дата обращения: 11.06.2023).

17. Попова Е.С. Смена профессии после 45 лет: мотивы и перспективы прохождения программ профессиональной переподготовки // Профессиональное образование и рынок труда. – 2019. – № 1. – С. 89–98.

18. Беляева Л.А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. – 2018. – № 26. – С. 83–100.

19. Ковалева А.И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С. 298–300.

20. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 114–122.

21. Разинский Г.В., Стегний В.Н. Студенты Прикамья: статус, ценности, поведение // Власть. – 2015. – № 9. – С. 117–124.

22. Мезенцева Е.Б., Космарская Н.П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. – 1998. – Т. 7, № 3. – С. 141–188.

23. Бирюков С.В., Сазонов И.С. Молодежная политика: современное понимание и подходы к исследованию // Современные стратегии устойчивого развития государства и общества в контексте глобальных вызовов: сб. тр. третьей междунар. науч.-практ. конф. «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» / под ред. Т.В. Игнатовой, Н.В. Брюхановой; Юж.-Рос. ин-т управления РАНХиГС. – Ростов н/Д, 2021. – С. 669–683.

24. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 09.11.2022 № 809. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=1> (дата обращения: 20.06.2023).

25. Численность слушателей, прошедших обучение по дополнительным профессиональным программам [Электронный ресурс] // Труд и занятость в России 2021. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 11.06.2023).

References

1. Antonova N.L., Abramova S.B., Anikieva A.V. Prostranstvennaia mobil'nost' studentcheskoi molodezhi krupnogo goroda [Spatial mobility of students in a large city]. *Logos et Rraxis*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 102–111.
2. Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda [Social space of a modern city]. Eds. G.B. Korableva, A.V. Merenkov. Yekaterinburg, UrFU, 2015, 252 p.
3. Veselkova N.V., Vandyshev M.N., Priamikova E.V., Professional'noe obrazovanie v monogorodakh: proizvodstvo mobil'nosti [Technical and vocational education and training in monotowns: Production of mobility]. *Voprosy obrazovaniia*, 2020, no. 3, pp. 8–32.
4. Statisticheskii ezhegodnik Permskogo kraia. 2020 [Statistical yearbook of the Perm region. 2020]. Statistical collection. Perm, FSSS Branch in Perm Krai (Permstat), 2020, 351 p.
5. Zborovskii G.E., Ambarova P.A., Vysshee obrazovanie kak faktor sokhraneniia gorodov v Ural'skom makroregione [Higher education as a factor of the cities' preservation in the Ural macro-region]. *Ekonomika regiona*, 2018, vol. 14, iss. 3, pp. 914–926.
6. Stegnii V.N. Orientatsii studentov tekhnicheskogo vuza na tsennost' vysshego obrazovaniia v budushchem v usloviakh tsifrovizatsii [Orientations of engineering university students at the value of higher education in future in the context of digitalization]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2022, no. 1, pp. 8–19.
7. Migratsionnyi status naseleniia [Migration status of the population]. *Obsledovanie rabochei sily*, 2021, available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (accessed 11.06.2023).
8. Paramonova S.P. Gorodskaiia mobil'nost' [Urban mobility]. Perm, PNRPU, 2021, 318 p.
9. Collins R. Sociological insight: An introduction to non-obvious sociology (Russ. ed.: Kollinz R. Sotsiologicheskaiia intuitsiia: vvedenie v neochevidnuiu sotsiologiiu. *Lichnostno-orientirovannaia sotsiologiia*, Moscow, Akademicheskii prospekt, 2004, 608 p.).
10. Urry J. Mobilities (Russ. ed.: Urri Dzh. Mobil'nosti. Moscow, Praxis, 2012, 576 p.).
11. Popova E.S. Molodezh' na rynke truda: smena professii kak adaptatsiia k novoi ekonomike [Youth on the labor market: Changing professions as an adaptation to the new economy]. *Budushchee sfery truda: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie*. Eds. G.R. Baimurzina, R.M. Valiakhmetov. Ufa, Mir Pechati, 2019, pp. 233–238.
12. Tri fakta o trudoustroistve vypusnikov 2016–2018 godov [Three facts about the employment of graduates from 2016–2018]. *Obsledovanie rabochei sily*,

2019, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/88401> (accessed 11.06.2023).

13. Vas'kina M.G., Litvinova D.V. Sovremennye aspekty rossiiskogo rynka truda cherez prizmu povedencheskoi ekonomiki [Modern aspects of the Russian labor market through the lens of behavioral economics]. *Mezhdunarodnyi zhurnal ekonomiki i obrazovaniia*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 26–36.

14. Zakharov N.L., Kuznetsov A.L., Britvina I.B. Krizis postindustrial'noi professional'noi migratsii [Crisis of post-industrial professional migration]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, 2020, no. 2, pp. 19–23.

15. Strel'chenko E.A. Transformatsionnoe vozdeistvie na rynek truda: tendentsii i posledstviia [Transformational impact on the labor market: Trends and consequences]. *Sovremennye strategii ustoychivogo razvitiia gosudarstva i obshchestva v kontekste global'nykh vyzovov*. Proc. of 3rd Int. Acad. Conf. Social Science. Eds. T.V. Ignatova, N.V. Briukhanova; Rostov-on-Don, SRIM RANEPА/Institute, 2021, pp. 319–325.

16. Naselenie po polu i vozrastu [Population by gender and age]. All-Russian census-taking 2020, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (accessed 11.06.2023).

17. Popova E.S. Smena professii posle 45 let: motivy i perspektivy prokhozheniia programm professional'noi perepodgotovki [Changing profession after 45 years: Motives and prospects for undergoing professional retraining programs]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, 2019, no. 1, pp. 89–98.

18. Beliaeva L.A. Dokhodnoe neravenstvo v rossiiskom obshchestve: sotsial'nye posledstviia i problemy [Income inequality in Russian society: Social consequences and issues]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2018, no. 26, pp. 83–100.

19. Kovaleva A.I. Professional'naia mobil'nost' [Professional mobility]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, no. 1, pp. 298–300.

20. Zubok Iu.A., Chuprov V.I. Molodye spetsialisty: podgotovka i vostrebovanost' na rynke truda [Young specialists, training and demand in the labor market]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 5, pp. 114–122.

21. Razinskii G.V., Stegnii V.N. Studenty Prikam'ia: status, tsennosti, povedenie [Students of the Prikamye: Status, values, behavior]. *Vlast'*, 2015, no. 9, pp. 117–124.

22. Mezentseva E.B., Kosmarskaia N.P. Beg po zamknutomu krugu: uroven' zhizni, mental'nye ustanovki i sotsial'naia mobil'nost' zhitel'ei Rossii [Running in a closed circle: Standard of living, mental attitudes and social mobility of Russian residents]. *Mir Rossii*, 1998, vol. 7, no. 3, pp. 141–188.

23. Biriukov S.V., Sazonov I.S. Molodezhnaia politika: sovremennoe ponimanie i podkhody k issledovaniiu [Youth policy: Modern understanding and approaches to research]. *Sovremennye strategii ustoychivogo razvitiia gosudarstva i obshchestva v kontekste global'nykh vyzovov*. Proc. of 3rd Int. Acad. Conf. Social

Science. Eds. T.V. Ignatova, N.V. Briukhanova. Rostov-on-Don, SRIM RANEPА/Institute, 2021, pp. 669–683.

24. Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniuiu i ukrepleniuiu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei [On approval of state policy for preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral Values]. Decree of the RF President dated 09.11.2022, No. 809, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=1> (accessed 20.06.2023).

25. Chislennost' slushatelei, proshedshikh obuchenie po dopolnitel'nym professional'nym programmam [The audience trained in additional professional programs]. *Trud i zaniatost' v Rossii 2021*, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (accessed 11.06.2023).

Оригинальность 93 %

Поступила 16.06.2023

Одобрена 10.07.2023

Принята к публикации 02.09.2023

A.V. Rybyakova

PROFESSIONAL MOBILITY AS A STRATEGY FOR SOLVING THE LIFE PROBLEMS OF MODERN YOUTH

The information space occupied by young people contributes to the growing mobility, which opens up opportunities to find options for achieving success in life in a larger city and even in another country.

The mobility of individuals can be based on various kinds of reasons that determine its varieties: educational mobility is associated with an increase in the level of education, qualifications. Geographical mobility involved moving to another city or country. Labor mobility implies a change in the form or nature of employment. Economic mobility is caused by a change in the socio-economic status. In modern conditions, the problem of professional mobility – the movement of an individual or group in the social and professional structure of society – is becoming more and more urgent. Increasingly, professional mobility is considered in tandem with geographical mobility (migration), becoming a strategy for solving life tasks that ensures achieving a higher standard of living. This is how the change of profession among young people is usually considered – as part of the “search for yourself, finding a better place.” For the older generation, changing the profession is a serious step, which is often associated with negative moments in a working career: lack of prospects for career growth, emotional burnout.

For graduates, at the beginning of their career, the most significant factor of professional mobility is the low level of material well-being. For many of them, material well-being and success in work form the core of ideas about the desired future. Therefore, today we are faced with the problem of the discrepancy between ideal professional career and real ways to achieve the desired level of material well-being, the division into education “for one’s soul” and profession “for life”, which underlies the professional mobility of young people.

Keywords: *professional mobility, educational mobility, economic mobility, geographical mobility.*

Anastasia V. Rybyakova – Senior Lecturer, Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University, e-mail: a.nastasi.a@mail.ru.

Received 16.06.2023

Approved 10.07.2023

Accepted for publication 02.09.2023

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад автора 100 %.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рыбьякова, А.В. Профессиональная мобильность как стратегия решения изненных проблем современной молодежи / А.В. Рыбьякова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2023. – № 3. – С. 128–142.

Please cite this article in English as:

Rybyakova A.V. Professional mobility as a strategy for solving the life problems of modern youth. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2023, no. 3, pp. 128-142 (*In Russ.*).